

DOI: 10.15372/HSS20150313
УДК 94(47).083/084.5

В.Н. ФАРОНОВ

СОЦИАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НЕТРУДОСПОСОБНЫХ РАБОЧИХ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.

Вячеслав Николаевич Фаронов, канд. ист. наук, докторант,
Алтайский государственный университет (АлтГУ)
РФ, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61 а
e-mail: faronoff-vn@mail.ru

В статье исследуется состояние социального обеспечения рабочих Западной Сибири конца XIX – начала XX в. Несоблюдение техники безопасности, потогонная система эксплуатации рабочего класса, невежество самих рабочих приводили к значительному росту травматизма и профессиональных заболеваний. В большинстве случаев нетрудоспособные рабочие оставлялись на произвол судьбы. Однако государство совершенствовало законы, по которым рабочие, получившие травму на производстве, или члены их семей в случае гибели рабочего на производстве могли получать денежные компенсации. Но эти меры разрешали проблему лишь отчасти. При этом государство предоставляло компенсации казенным рабочим, не особенно заботясь о рабочих частного сектора.

Ключевые слова: рабочие, Сибирь, социальное обеспечение, пенсия, профессиональное заболевание, инвалидность, социальное законодательство.

V.N. FARONOV

SOCIAL SECURITY OF DISABLED WORKERS OF WESTERN SIBERIA IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

Vyacheslav N. Faronov,
Candidate Of Historical Sciences, Doctoral Candidate,
Altai State University (ASU)
61a Lenin Str., Barnaul, Altai Region, 656049, Russia
e-mail: faronoff-vn@mail.ru

The article's objective is to determine the status of social security for workers in Western Siberia in the late XIX – early XX centuries; to characterize measures taken by the government for improvement of situation and to assess their efficiency.

Since the late XIX century the new stage of modernization had begun in Siberia, characterized by the beginning of industrialization and industrial revolution in all sectors of economy. The working class emerged, and one of the pressing issues it faced was inadequate social security for those workers who became disabled through occupational injuries or because of old age. Failure to comply with safety regulations, exploitation of workers in sweatshops, as well as workers' ignorance led to a significant increase in occupational accidents and diseases. The majority of disabled workers were left to their fate and if they had no relatives able to take care of them, they were simply doomed to death, poverty or crime.

However, the government took legislative measures to improve situation in welfare. According to the new laws in the case of occupational injury or death the workers or family members could receive monetary compensations. However, all these measures only partially addressed the problem, so the general situation remained unchanged. The author notes that remnants of estate system affected the State's attitude towards social security for workers. The government provided compensation for state workers, with no regard for workers in private sector.

The research is based on methodological framework of modernization theory. Underlying the study are the principles of historicism, determinism and consistency. Correlation between legislation and the state of affairs in the sphere of social security for workers are investigated based on a historical-systematic method, while the diachronic method is applied to study how this process developed over time.

Key words: workers, Siberia, social security, pension, occupational disease, disability, social legislation.

О злободневности вопроса выплат компенсаций в случае потери рабочими трудоспособности можно судить по далеко не полной статистике роста несчаст-

ных случаев среди рабочих горных округов Сибири: в 1904 г. пострадало 1,4 % горнорабочих, в 1909 г. – 1,5, в 1911 г. – 5,5 % [1, с. 47–48]. Всего же, согласно офици-

альным данным, на предприятиях горнозаводской промышленности Сибири с 1895 по 1916 г. от несчастных случаев пострадали 28 021 рабочий (35 чел. на 1 тыс. рабочих), из которых 724 погибли [2, с. 131]. Только на Анжерских коях произошло несчастных случаев: в 1910 г. – 435, в 1911 г. – 338, в 1912 г. – 696 [3, с. 195]. По неполным данным, в Западно-Сибирской горной области в 1914 г. 3,5 % горняков получили травмы. Из них остались калеками около 14 % и умерли около 2 % [4, с. 163–164].

Не только несчастные случаи, но и условия труда были пагубными для человеческого организма. К.А. Пажитнов писал о последствиях тяжелого труда на золотых приисках: «К 40–50 годам жизни, после 10–16 лет приисковой работы, рабочий представляет из себя преждевременно состарившегося субъекта с расширенными венами, перерожденными артериями, с гипертрофированным сердцем, которое уже отказывается работать; появляются отеки, застой крови, эмфизема легких, гипертрофия и перерождение печени, параличи и масса других заболеваний, начиная от нефрита и оканчивая общим маразмом» [5, с. 77]. «Изношенных» рабочих на приисках называли «ханьгами», так как они быстро вырабатывались – «ханули», пополняя ряды торговцев, спиртоносков, вольностарателей-хищников [6, с. 132].

В других отраслях сибирской промышленности дела обстояли не лучше. Например, имеется описание условий труда на Мариинском винном складе: «Винные пары, влажность, бой посуды приводили к профессиональным заболеваниям, травматизму...» [7, с. 47]. Сходная ситуация была и в типографиях Ново-николаевска, о чем писала в 1913 г. газета «Правда»: «Работают в подвальном сыром, вонючем и темном помещении, выкопанном на 5 аршин в земле; работают круглые сутки с огнем; не соблюдены даже элементарные требования гигиены. При таких условиях приходится часто работать все 24 часа в сутки» [8, с. 53]. Вот свидетельство об условиях труда в одной из тобольских типографий: «Теснота, сырость, темнота, свинцовая пыль, разъедающая наши легкие... помещение подвальное, сырое, с недостатком света, весьма незначительных размеров; в нем нет необходимой вентиляции... работа в течении 8 часов 4-х взрослых и 15-ти мальчиков в возрасте от 13 до 18 лет совершенно невыносима без того, чтобы не влиять пагубно на здоровье тех и других»¹. Таких примеров можно привести множество, и все они свидетельствуют о тяжелых условиях труда, несоблюдении техники безопасности и гигиенических стандартов практически на всех предприятиях Сибири [9, с. 144–146]. Вследствие этих факторов отмечались повышенный травматизм, в том числе и со смертельным исходом, инвалидность и огромные масштабы распространения профессиональных заболеваний.

¹ На суд граждан и товарищей (Костюринская республика) // Вестник Тобольского союза рабочих печатного дела. 1917. 9 сент. № 1.

К теме социального обеспечения рабочих, утративших в силу возраста, профессионального заболевания или несчастного случая трудоспособность, неоднократно обращались исследователи сибирского рабочего класса. Ее затрагивали в своих работах В.А. Скубневский, В.П. Зиновьев и другие авторы. Однако, на наш взгляд, вряд ли можно считать данную тему окончательно исследованной. По-прежнему остаются вопросы, требующие уточнений и дальнейшего изучения. В задачу настоящей статьи входит попытка осветить положение нетрудоспособных рабочих и их семей, состояние законодательной базы соцобеспечения, реальные возможности получения компенсаций по нетрудоспособности. Для решения данной задачи использовались материалы архивов Барнаула и Санкт-Петербурга, данные периодики, законодательных и иных источников. Территориально границы исследования охватывают Западную Сибирь, хронологические рамки – конец XIX – начало XX в.

Зачастую судьба нетрудоспособных по старости или инвалидности рабочих была печальной. Так, К.А. Пажитнов свидетельствует о приисковых рабочих:

«Боясь, чтобы рабочий не умер на прииске, ему отдают паспорт и выводят его подальше от приисков в тайгу, предоставляя ему заблудиться и умереть голодной смертью. Бывают ужасные случаи. От очевидцев слышал, напр., что одного рабочего с гангреной на ноге, истомленного болезнью и голодом, нашли живого еще на муравейнике, объедаемого муравьями... Другого чахоточного отбили от волка, который обкусывал и глодал ему руку в то время, как он еще был жив, но не мог уже подняться с места в окончательной потере сил от усталости, истомления и голода» [5, с. 140].

Впрочем, избавлялись от немощных рабочих не только на приисках. Приведем еще один пример:

«Крестьянин Ипат Коротков служил на рыбных промыслах крупной фирмы П. около 45 лет... имея более 75 лет от роду, окончательно одряхлел и служить ему не под силу. Тогда Короткова на пароходе фирмы привезли в Тюмень и на извозчике доставили к его родной сестре... шестидесятилетней старухе, снискавшей себе пропитание нищенством. Взыла старуха от навязанной ей новой обузы, ибо старику нужен уход и хлеб, которого она, сидя около него, не может добыть даже для себя, а главное квартирохозяин гонит обоих с квартиры на улицу, видя их неплатежеспособность»².

Конечно, в Сибири имелись и больницы, и богадельни для таких людей, но, как утверждает в своей записке «О положении рабочих на частных золотых приисках» М.К. Сидоров, «число их по массе нуждающихся в лечении и призрении рабочего люда, далеко не достаточно и ограничено до такой степени, что повсюду не только в селениях, но и в городах, встречаются обессиленные, больные и увечные, пропиты-

² Хозяин и работник // Вестник Западной Сибири. 1912. 24 авг. № 186.

вающихся попрошайством милостыни, в отягощение обывателей. Не имеющие же никакой будущности, впадают в преступления, и часто валяются по улицам и около кабаков»³.

В лучшем случае рабочие и члены их семей могли рассчитывать в дальнейшем только на крохотные пенсии и пособия от заводов, рудников и иных предприятий, на которых они работали. Других источников существования у большинства рабочих не было, что отмечено, например, в делах о назначении пенсий рабочим Гурьевского и Сузунского заводов, Риддерского и Сокольного рудников, Салаирских приисков и Кольчугинской копи (1909–1913 гг.), где указывалось на то, что такие рабочие не занимаются ни ремеслом, ни хлебопашеством⁴. Впрочем, и эти пособия были доступны немногим – только рабочим казенных предприятий. Что же касается рабочих частного сектора, то их соцобеспечение полностью возлагалось на добрую волю предпринимателя и в лучшем случае могло носить характер акта благотворительности. Выше мы уже приводили примеры типичного отношения хозяев к своим нетрудоспособным работникам.

Потеря кормильца или его нетрудоспособность ставили семью на грань выживания. Большим благом для такой семьи была помощь родственников. Но часто не было и этого. Так, в отмеченных источниках упоминается несколько случаев вдовства, когда у одиноких женщин не было родственников и, соответственно, никто никакой помощи оказать им не мог. Еще хуже обстояли дела, если вдова или жена с нетрудоспособным мужем имели малолетних детей. Экономическое положение таких семей становилось катастрофическим. Эти семьи могли рассчитывать, пока дети были малолетними, только на доход от надомной подработки: стирки, шитья одежды, сдачи в наем помещений и т. п. Дети же в основном по достижению восьми лет, а иногда и раньше шли на какую-либо работу, что часто приводило к раннему истощению и изношенности их организма.

При получении увечий на производстве рабочие могли, согласно статьям 647, 648, 687 гражданских законов, получить возмещение с предпринимателя в судебном порядке, если удавалось доказать его виновность в несчастном случае [9, с. 134; 9, с. 52]. Однако это было сопряжено с большими трудностями и поэтому редко кто из рабочих или членов их семей мог реально получить денежную компенсацию. Косвенно это подтверждается, например, в указанной записке М.К. Сидорова:

«Что же касается до вознаграждения изувеченных на работах наемников, сделавшихся неспособными к снисканию пропитания трудом, равно семейств убитых, вознаграждения выдачею со счета золотопромышленников тройной за весь срок платы: а при

легком увечье, излечению в приисковом лазаретах, то на основании 14 ст. Правил о найме, подобные вознаграждения делаются только в случае непринятия промышленниками предписанных мер осторожности при ведении работ, и при том, по удостоверению ближайшего врача и местного исправника, или по решению судебных мест. А как по селениям и городам нередко встречаются искалеченные в приисковых работах люди, и обезображенные при порохострельных работах, а также приобретенные неизлечимые хронические болезни, то мы невольно приходим к заключению, что положение этих тружеников заслуживает полного внимания»⁵.

Впрочем, законодательная база социального обеспечения со временем совершенствовалась. 3 июня 1903 г. выходят Правила о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих в предприятиях фабрично-заводской, горной и горнодобывающей промышленности, которые обязывали вознаграждать пострадавших в случаях потери трудоспособности «от телесного повреждения, причиненного им работами по производству предприятия или происшедшего вследствие таковых работ. Если была смерть рабочего, то вознаграждением пользуются члены его семейства»⁶.

Рабочий согласно Правилам не должен был доказывать виновность предпринимателя. Однако если предприниматель доказывал, что причиной несчастного случая был злой умысел или грубая неосторожность самого потерпевшего, то он освобождался от всяких выплат рабочему или его семье. Вполне естественно, что работодатели старались, и часто безуспешно, доказывать вину самих потерпевших. В тех случаях, когда рабочий добивался выплат, он или его семья могли рассчитывать на 2/3 годовой зарплаты рабочего в случае полной потери трудоспособности. При неполной потере трудоспособности степень ее утраты и размер пенсии устанавливали соответствующие чиновники [10, с. 210].

Позднее были введены основанные на законе 1903 г. правила, касавшиеся работников предприятий определенных категорий: 9 июня 1904 г. – правила о пенсиях мастеровым, рабочим и служащим артиллерийских заведений военного ведомства, 6 июня 1905 г. подобные правила распространяются на фабрично-заводские и горнозаводские предприятия Кабинета, 19 декабря 1905 г. – на государственную типографию и т.д. Ранее, в мае 1901 г., были приняты временные правила о выплатах пенсий рабочим казенных горных заводов и рудников. По этим правилам на пенсии могли рассчитывать не только рабочие, потерявшие трудоспособность в результате несчастных случаев, но и по профессиональным заболеваниям. Впрочем, последнее было отменено законом 1903 г.

В дальнейшем, пытаясь снизить социальный накал, вновь возросший после подавления революции

³ Архив Российской академии наук (РАН). Ф. 270. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

⁴ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 991, 1001, 1002, 1016, 1044, 1046, 1048, 1050–1052, 1056–1061, 1063, 1065, 1067, 1069–1081, 1087, 1088, 1090, 1091, 1094, 1100–1102, 1104, 1105, 1107, 1108, 1118, 1123.

⁵ АРАН. Ф. 270. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.

⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3-е: в 33 т. СПб., 1905. Т. 23: 1903. № 23060.

1905–1907 гг., самодержавие продолжало принимать законодательные меры для решения социального вопроса. Одной из таких мер стало введение государственного страхования рабочих законом 23 июня 1912 г. Однако это нововведение относилось только к Европейской России и Кавказу [11, с. 74–75]. В Сибири продолжало действовать старое законодательство, далекое от реального решения проблем в сфере социального обеспечения рабочих, потерявших трудоспособность. Исключением были Ленские золотопромышленные предприятия Иркутской губернии, где с 1913 г. постановлением Совета Министров распространялось действие этого закона. Лишь 25 июня 1917 г. Временное правительство распространило действие закона 23 июня 1912 г. на всю Россию⁷.

Каковы же были размеры компенсаций? В одном из источников дается перечень рабочих из бывших мастеровых Алтайского округа, в том числе погибших от травм, при этом указаны прежние их годовые заработки и назначенные, исходя из них, пенсии. Согласно источнику годовой доход исследуемых рабочих составил в среднем 199,7 руб., а годовой размер пенсий – в среднем 62,3 руб.⁸ Ситуация на первый взгляд была такая же, как и в Европейской России, где средний размер пенсий, получаемый семьями погибших рабочих в 1904–1905 гг., составлял 44,2–49,6 % от заработка потерпевших [12, с. 26]. Однако нужно отметить, что средняя цифра годового размера пенсий, взятая из рассматриваемого нами документа, не дает понимания истинного положения дел, так как большинство компенсационных сумм были значительно ниже указанной средней суммы (соответственно у нескольких рабочих пенсии были выше средней суммы) и составляли у многих 7–14 руб. в год, т.е. мизерную сумму.

Впрочем, основная проблема заключалась в возможности получения пенсий и пособий. В источниках имеется немало количество отказов администраций. Вот только один из примеров подобной практики:

«38 лет отдал фабрике замечательный мастер-камнерез Михаил Андреевич Беляев. Несчастный случай во время работы искалечил ему ладони обеих рук. В момент увольнения на иждивении мастера было семеро детей, несмотря на это, ему даже не выдали пенсии. Среди уволенных был мастер-камнерез Дмитрий Иванович Окулов, полностью утративший трудоспособность за 37 лет работы на фабрике. Наум Федорович Дорохов потерял правый глаз, Ефима Захаровича Тихобаева “давило каменной плитой”, Е.С. Мельникова “давило машиной”. Но никому из них не дали пенсии» [13, с. 58]. А вот строки из рапорта управляющего Колыванской шлифовальной фабрикой от 22 января 1893 г.:

«Рабочие, описывая свое бедственное положение, указывают на полное игнорирование их нужд со стороны конторы и управляющего фабрикою и на при-

страстное распределение пенсий, которые выдаются будто бы только богатым вдовам – родственницам ближайшего фабричного начальства»⁹.

Трудно судить о том, что являлось основанием для произвола начальства и всегда ли он был необоснованным. Остается лишь констатировать его наличие. В.А. Скубневский отмечал по этому поводу:

«Обстановка бесправия народных масс в царской России для сибирских рабочих усугублялась несоблюдением даже существовавших законов по рабочему вопросу... Формальный характер законов по рабочему вопросу для Сибири объясняется отсутствием здесь до 1914 г. фабричной инспекции. Закон о введении инспекции был распространен на Сибирь 7 июля 1913 г. ... Но и после введения в регион фабричной инспекции положение было явно неблагоприятным. Так, в 1914 г. было зарегистрировано 541 нарушение фабрикантами законов» [14, с. 229].

Некоторое представление о реальной возможности рабочих получить компенсацию по нетрудоспособности дают материалы ведомственной статистики. Так, согласно ведомостям о несчастных случаях на предприятиях, подчиненных Томскому горному управлению, в 1904 г. было зафиксировано 46 несчастных случаев, из которых лишь 13 числились по вине хозяев, в 1911 г. хозяева признавались виновными в 4 из 111 несчастных случаев, а в 1912 г. лишь в одном из 209¹⁰.

Но и откровенный произвол администрации казенных предприятий и предпринимателей не был единственным препятствием для получения рабочими компенсационных пенсий. Само законодательство предоставляло работодателям немалые возможности избежать соответствующих выплат рабочим. В первую очередь это относилось к определению степени потери трудоспособности рабочими. Один из врачей, обслуживавших Судженские каменноугольные копи, писал по этому поводу: «Нелегко достается писание свидетельств о повреждениях, полученных на работе, в особенности там, где должна быть произведена оценка потери трудоспособности. Наше законодательство по рабочему вопросу несовершенно и много есть мест, где совершенно теряется, не имея никакой руководящей нити, – таблица, данная для оценки потери трудоспособности, далека от практических требований, а общих положений нет» [15, с. 41]. Часто возникала подобная ситуация, «когда так называемое первое лечение рабочего закончено и рабочий подвергается врачебному освидетельствованию, на этой почве возникает ряд недоразумений. Промышленник избирает одного врача, рабочий другого, и оба они друг с другом не сходятся» [16, с. 109]. Все это выливалось в судебные тяжбы, итог которых, равно как и продолжительность времени, необходимого для их завершения, никто не мог предсказать. В качестве иллюстрирующего примера приведем строки из прошения рабочего Бар-

⁹ ГААК. Ф. 3. Оп. 1. Д. 127.

¹⁰ РГИА. Ф. 37. Оп. 75. Д. 222. Л. 68–69, 87–88, 128, 157, 160; Д. 224. Л. 5.

⁷ Сибирский листок. Четверг. 1917. 12 окт.

⁸ ГААК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 1044.

наульского лесопильного завода Григория Соломина, датированного 31 января 1918 г.:

«Мне отказано в назначении пенсии за потерю трудоспособности (до 30 %) на службе в лесопильном заводе, ввиду того, что, по мнению врача Агентова, найденное у меня ослабление зрения не имеет причинной связи с моей работой на заводе... я неоднократно болел глазами именно от работы на службе (при правке пил попадали в глаза наждачные осколки, для извлечения коих делались операции врачом Троновым), то мнению врача Агентова, как не подкрепленное ни научными, ни субъективными данными, я нахожу голословным и неосновательным, а потому, согласно 28 ст. закона 6 июня 1905 года, прошу распорядиться о пересвидетельствовании меня через врача Тронова...»¹¹

Как видим, вопрос о получении компенсаций так и не был до конца доработан.

Подводя итог, мы можем констатировать факт злободневности проблемы соцобеспечения рабочих по нетрудоспособности. Росли травматизм и профессиональные заболевания. Нетрудоспособные рабочие в лучшем случае становились иждивенцами у семьи либо попадали в богадельни, в худшем – выбрасывались на улицу (или в тайгу, если речь шла о приисках) и предоставлялись воле случая, т.е. их обрекали либо на смерть, либо на существование за счет милостыни.

Государство предпринимало лишь робкие шаги для решения этой проблемы, вводя все новые законы о соцобеспечении, носившие характер полумер. Предприниматели также не слишком стремились помочь своим работникам, напротив, они искали всевозможные лазейки в законодательстве, чтобы избежать затрат на содержание нетрудоспособных рабочих. Получить компенсации по нетрудоспособности было чрезвычайно сложно. Кроме того, государство предоставляло пенсии и пособия рабочим казенных заведений, совершенно не уделяя внимания рабочим частного сектора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крузе Э.Э. Условия труда и быта рабочего класса России в 1900–1914 годах. Л., 1981. 142 с.
2. Зиновьев В.П., Кузнецов М.С. Условия труда, травматизм и профессиональные болезни горнорабочих Сибири в конце XIX – начале XX в. // Вестник Том. гос. ун-та. 2014. № 379. С. 127–135.
3. История Кузбасса. Кемерово, 1967. Ч. 1–2. 380 с.
4. Мухин А.А. Рабочие Сибири в эпоху капитализма. М., 1972. 336 с.
5. Пажитнов К.А. Положение рабочего класса в России. СПб., 1908. 305 с.
6. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск, 2007. 258 с.
7. Мариинский ликеро-водочный завод. 1902–2002 / Б.К. Андрущенко, Л.А. Базаева, В.А. Бузанова [и др.]. Томск, 2002. 284 с.
8. Ленинская правда о Сибири. 1912–1914, 1917 гг.: сб. док. и материалов. Новосибирск, 1982. 136 с.

9. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск, 1982. 475 с.

10. Литвинов-Фалинский В.П. Фабричное законодательство и фабричная инспекция. М., 1904. 344 с.

11. Иванов Л.М. Страховой закон 1912 года и его практическое применение // Отечественная история. М., 1995. С. 73–88.

12. Быков А.Н. Промышленный травматизм, его размеры, значение и возможность борьбы с ним // Охрана труда в промышленных предприятиях. СПб., 1913. 76 с.

13. Савельев Н.Я. Алтайские камнерезы. Барнаул, 1956. 58 с.

14. Скубневский В.А. Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е годы XIX в. – февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. Барнаул, 1991. Т. 1. 447 с.

15. Борман В.Л. Годичный медицинский отчет по больнице Судженских каменноугольных копей (1907 г.) // Горные и золотопромышленные известия. 1908. № 3–4. С. 39–43.

16. В комиссии по вопросу о вознаграждении увечных рабочих // Горные и золотопромышленные известия. 1905. № 7. С. 98–115.

REFERENCES

1. Kruze E.E. Working and living conditions of the Russia's working class in 1900–1914. Leningrad, 1981, 142 p. (In Russ.).
2. Zinov'yev V.P., Kuznetsov M.S. Working conditions, accidents and occupational diseases of miners in Siberia in the late XIX – early XX century. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2014, N 379, pp. 127–135 (In Russ.).
3. The history of Kuzbass. Pt. 1/2. Kemerovo, 1967, 380 p. (In Russ.).
4. Mukhin A.A. Siberian workers in the capitalism era. Moscow, 1972, 336 p. (In Russ.).
5. Pajhitnov K.A. Position of the working class in Russia. St. Petersburg, 1908, 305 p. (In Russ.).
6. Zinov'yev V.P. Industrial cadres of old Siberia. Tomsk, 2007, 258 p. (In Russ.).
7. Mariinsk Distillery. 1902–2002 / B.K. Andryushchenko, L.A. Bagaeva, V.A. Buzanova, V.P. Zinov'yev, V.G. Zykova. Tomsk, 2002, 284 p. (In Russ.).
8. Lenin "Pravda" about Siberia. 1912–1914, 1917: collection of documents and materials. Novosibirsk, 1982, 136 p. (In Russ.).
9. The Siberian working class in the pre-October period. Novosibirsk, 1982, 475 p.
10. Litvinov-Falinsky V.P. Factory legislation and factory inspection. Moscow, 1904, 344 p. (In Russ.).
11. Ivanov L.M. Insurance law of 1912 and its practical application. *Otechestvennaya istoriya*. M., 1995, pp. 73–88 (In Russ.).
12. Bykov A.N. Industrial traumatism, its dimensions, value and possibility to control. St. Petersburg, 1913, 76 p. (In Russ.).
13. Savel'yev N.Ya. Altai stone-cutters. Barnaul, 1956, 58 p. (In Russ.).
14. Skubnevsky V.A. The workers of manufacturing in Siberia (90th of the XIX century – February 1917): abstracts of dissertation of the doctor of historical sciences. Barnaul, 1991, vol. 1, 447 p. (In Russ.).
15. Borman V.L. The annual medical report of the hospital of Sudzhensk coal mines (1907). *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1908, N 3/4, pp. 39–43 (In Russ.).
16. In the commission on the issue of remuneration of crippled workers. *Gornye i zolotopromyshlennye izvestiya*. 1905, N 7, pp. 98–115 (In Russ.).

Статья принята редакцией 20.06.2015

¹¹ ГААК. Ф. 154. Оп. 1. Д. 13. Л. 6.